

Не подгонять кисть под базарную моду

“...Очаровательная женщина, чья душевная красота воплотилась в ее живописи. Думаю, греческое происхождение помогает ей видеть окружающий мир ясным и гармоничным, что, в свою очередь, определяет характер работ, полных жизни, чуждых всякой стилизации и модерна. В них есть драгоценная простота – одно из величайших достижений художественного произведения... Люблю также ее стихи. Они наделены теми же качествами, что живопись, – просты, тубоки и музикальны...” – пишет академик Андрей Мыльников.

У народного художника России, действительного члена Российской академии художеств Альбины Георгиевны АКРИТАС – юбилей.

– Ваше творчество весьма разнообразно – монументальная и станковая живопись, графика во многих ее техниках. Но что для вас предпочтительней?

– Конечно, живопись. Масло, темпера, акварель, гуашь. Но все очень взаимосвязано. Часто станковая живопись переходит в монументальную, а графика – в живопись. Когда ставишь себе задачу, когда возникает замысел, тогда начинаешь искать материал, форму, в которой воплощаешь задуманный сюжет.

В основе моего произведения лежит идея, мысль, но скорее чувственная, эмоциональная. Вспоминаю, как Суриков увидел черную ворону на снегу – и написал “Боярыню Морозову”. А зажженная свеча стала замыслом “Утра стрелецкой казни”.

– У вас есть строго натюрмортные работы – портреты, натюрморты, пейзажи, интерьеры, очаровательные “обнаженные”. Но вдруг появляются на холстах игры “чистого” цвета и света, воображения и фантазии...

– И во всем этом я – абсолютный реалист, убежденный приверженец классической школы. В реализме я вижу необыкновенную красоту и гармонию – и выдумывать ничего не надо. Только следуй этому, насколько хватит таланта.

Моя работа, как всякий живой организм – а я ее таковой считаю, – переживает периоды взлета, падений, попыток бодрости или болезней. Начиная самостоятельную работу – а это было довольно давно, – я, конечно, не сознавала ее естественных закономерностей. Огорчалась спадами, остановками, какими-то временными отступлениями, пытаясь себя подогнать, торопила события,

А.Акритас

нервничала. Теперь эта горячка прошла, сменившись пониманием и терпением. Стало ясно, что не всегда нужно махать руками и делать энергичные телодвижения. Порой это дает мизерные результаты. В таком случае лучше остановиться. Работа внутри все равно продолжается, поэтому я больше не спешу. Но потом пишу легко и вдохновенно.

– Ваше творчество можно разделить, если я не ошибаюсь, на два периода. С конца восемидесятых годов вы становитесь совсем другим художником?

– Наверное, вы правы. Раньше я делала картины, графические листы о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, о комсомоле и комсомольских стройках, о строителях и рабочих. Словом, на сугубо советские, идеологически выдержаные темы. И живопись моя была темной, тяжелой, сурой. В конце восемидесятых годов, когда началась перестройка, сменилась в стране общественно-политическая обстановка, мое творчество круто меняется. Особенно после того, как я побывала в Греции. И вообще я думаю, что художник, пока он живет и работает, должен меняться в мыслях, в чувствах, в отношении к миру. Так происходит у каждого в произведениях, и по ним можно проследить все изменения его личности, его творчества.

Я поменяла стилистику, цветовой строй, который стал светлым, яс-

ным, трепетным, пластику, ритм, во многом и тематику своих работ. Одна из главных остается пушкиниана. Пишу портреты, пейзажи, интерьеры, натюрморты. И конечно, “обнаженных”.

– По-моему, у вас это своеобразный культ красоты и гармонии?

– Может быть. Ведь человек по своей внешней физической форме – одно из самых совершенных созданий на Земле. Если, конечно, взглянуть на него чистым, серьезным взглядом, без примеси игривости, стыдливости, сексуальности и прочей слюнавости, привитой нам нашей массовой, ширпотребной “культурой”, а точнее – бескультурьем; посмотреть на человека как на часть природы, на человеческое тело – как на первую и единственную одежду, данную нам свыше и, как сказано в Библии, выполненную по образу и подобию нашего Творца. Так ли уж необходимо ее прятать, если она – образ и подобие? Для меня обнаженное человеческое тело – музыка. Оно идеально стартонировано, бесконечно разнообразно в своих движениях, великолепно по пропорциям и цвету. Словом, по образу и подобию...

– Что вы считаете самым значительным из своих произведений?

– Очень люблю пушкинскую серию, состоящую из 30 работ. Это – “Дон Juan”, “Пиковая дама”, “Из жизни Пушкина”... Они написаны в смешанной технике. Это и пастель, и гуашь, и масло, и коллаж. Чисто живописная работа – лишь одна: “Пушкин в Тригорском”. Есть рисунок тушью “Для берегов отчизны дальней...”

И безусловно, самой значительной работой я считаю настенные росписи “История Психеи”. Еще со школьных лет я полюбила “Метаморфозы” Апулея, а “История Психеи” была очарована. Время не погасило привлекательности этой мудрой, светлой античной притчи.

Я пришла к президенту Академии художеств Зурабу Константиновичу Церетели и сказала, что хотела бы выполнить в Белом зале настенные росписи на сюжеты “Истории Психеи”. Он согласился.

Летом я уехала в Грецию – рисовала храмы, скульптуры, писала горы, море, пейзажи, стараясь воссоздать в своих работах атмосферу подлинной античности. А зиму провела в мастерской. И снова – Греция. И снова – мастерская. Пять лет я занималась только “Психеей”. Когда я завер-

шила работу – была счастлива. Кажется, первый раз уснула спокойно. Когда теперь бываю в Белом зале, то вижу, как естественно настенные росписи вошли в его архитектурную структуру. Как будто бы всегда здесь были.

– Над чем вы работаете сейчас?

– Пишу параллельно несколько картин. Это любимые мною мифологические сюжеты. С Крита привезла “Воспоминания о Фодоли”, где родился великий Эль Греко, серию испанских впечатлений, с танцами, с разговорами, с игрой в карты. Испания меня поразила.

И занимаюсь сейчас подготовкой персональной юбилейной выставки. Она состоится в начале октября в залах Академии художеств на Пречистенке.

– Каково, по вашему мнению, нынешнее положение нашего изобразительного искусства?

– Его можно назвать одним словом – “какофония”! Воинствующий, агрессивный дилентантизм, профессиональная безграмотность, словно мощный девятый вал, захлестнули наше искусство... Свобода творчества необходима для художника, она величайшее благо для развития искусства. Но это лишь тогда, когда художник талантлив, профессионально образован и остро чувствует ответственность за то, что делает. И не надо суетиться, “подгонять” свою кисть под чьи-то вкусы, под чьи-то деньги, под модные устремления.

Хотя это, понимаю, подчас непросто в наше “базарное” время! Я, например, хочу следовать своему предназначению, ниспосланному мне свыше, и чтобы никто не лез ко мне с чужими творчеству проблемами.

– Недавно мне в руки попал прелестный сборник ваших стихов “Калейдоскоп”, посвященный юбилею Пушкина. Стихи – это ваши призвание, увлечение или открытия?

– Не знаю, как их назвать, это случилось помимо моего желания иволи, как-то само собой. Стихи по большей части связаны с изобразительным искусством. Но когда я занята серьезной работой вроде “Истории Психеи”, тогда стихов не пишу. А после ее завершения расслабляюсь – и возникают стихотворные образы. “Калейдоскоп” – второй сборник, первый вышел в 1995 году.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

А.Акритас. “Обнаженная с зеркалом”. 2003 г. (слева) и “Разговор Венеры с Купидоном”

